
**ЦЕНТР VS ПРОВИНЦИЯ:
ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ
ПРОСТРАНСТВЕННЫХ РАЗЛИЧИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

А.В. Скиперских

Елецкий государственный университет им И.А. Бунина,
(Елец, Россия)

***Аннотация.** В данной статье автор показывает, как могут конструироваться пространственные различия между центром и периферией в дискурсе российской власти. Власть объективирует себя всюду, в полной мере распространяясь как на целое, так и на его части. Выступая частями одного целого, центр и провинция имеют схожие основания для попадания в исследовательский фокус.*

С точки зрения автора, политическое пространство, зависимое от целого ряда размежеваний, может делиться на благополучный и даже шокирующий своей роскошью центр, равно как депрессивную, склонную к постепенной деградации провинцию. Причина подобных расколов может скрываться в количестве и качестве бюрократии, сосредоточенной в центре, а также в содержании политики, направленной на конструирование пространственных различий. Что касается современной России, то провинция в ней представляется как некое экзотическое поле, пространство туристической ностальгии и источник трудовых ресурсов. Подобное отношение производит центростремительные движения, фактически обедняя провинцию качественной бюрократией.

Указанное размежевание демонстрируется на примере современной России на многочисленных примерах. Масштабы проблемы сегодня выглядят угрожающими, и вряд ли спешат быть преодоленными в ближайшем будущем.

***Ключевые слова:** власть, пространство, политика, провинция, Россия, русская культура, центр.*

DOI 10.24888/2949-3293-2023-3-3-55-66

**CENTER VS PROVINCE: THE PROBLEM OF POLITICAL CONSTRUCTION
OF SPATIAL DIFFERENCES IN MODERN RUSSIA**

Alexander V. Skiperskikh
Bunin Yelets State University
(Yelets, Russia)

***Abstract.** In this article, the author shows how spatial differences between the center and the periphery can be constructed in the discourse of Russian authorities. Power objectifies itself everywhere, fully extending to both the whole and its parts. Acting as parts of one whole, the center and the province have similar reasons for falling into the research focus.*

From the author's point of view, the political space, dependent on a number of divisions, can be divided into a prosperous and even shocking with its luxury center, as well as a depressed province prone to gradual degradation. The reason for such splits may lie in the quantity and quality of the bureaucracy concentrated at the center, as well as in the content of policies aimed at constructing spatial differences. As for modern Russia, the province is presented as a kind of exotic field, a space of tourist nostalgia and a source of labor resources.

This attitude produces centripetal movements, effectively impoverishing the province of quality bureaucracy.

This demarcation is demonstrated in modern Russia through numerous examples. The scale of the problem today looks threatening, and is unlikely to be overcome in the near future.

Keywords: *power, political space, policy, province, Russia, Russian culture, center.*

Делимость власти: теоретическое вступление

Политическое пространство, несмотря на свою цельность, является структурированным. Внимательный исследовательский фокус просто обязан воспринимать политическое пространство как сумму неравных частей. Как когда-то отметил польский политолог Ф. Рышка, пространственное представление о политическом мире «состоит прежде всего из образа его частей» [15, с. 103].

Власть всегда претендует на тотальный контроль над политическим дискурсом, и, как правило, достигает его. Вместе с тем власть не всегда полностью «заливает» то пространство, над которым предполагает обеспечить контроль. Тут и там всё равно могут оставаться некие «мёртвые» зоны, где давление власти спадает. Действительно, наиболее сильный властный импульс всегда сосредотачивается в центре, демонстрируясь в период первоначального выхода. Ближе к периферии властный политический импульс теряет свою силу. Так, провинция в какой-то момент времени может оказаться в ситуации, когда сила властного импульса до неё доходит в несколько обеднённом и ослабленном состоянии.

Политическое пространство постоянно делится, подвергаясь размежеваниям. Так, в политическом дискурсе известны попытки деления власти на «верх» и «низ» в случае выстраивания всевозможных табелей, номенлатурных порядков и иерархий чинов и званий. Есть деление политического пространства на «левое» и «правое», используемое в партийном и идеологическом конструировании. В исследовании С. Липсета и С. Роккан присутствует мысль о том, что одна из классических осей размежевания в политическом пространстве может разграничивать центр и провинцию (периферию) [19]. В исследованиях других авторов можно увидеть более высокий уровень абстрагирования проблемы размежевания центра и периферии, где речь идёт о государственном противостоянии друг другу, в частности в технологической обеспеченности [15].

Важным представляется и тот факт, что центр пространства, где сосредоточена власть, не всегда располагается посередине и симметрично в отношении самого пространства. Отсюда сигнал власти не всегда равномерно достигает тех объектов, на которые он предполагается направлен. Для того, чтобы властный сигнал достиг всех объектов, включённых в коммуникационную цепочку, требуется разное время. В тот момент, когда решение власти может быть известно в одной части политического пространства, секретный пакет может ещё застревать в снегах вместе с фельдъегерем в другой. Когда властная инструкция готовится быть переданной по назначению, в ней может уже не быть необходимости.

Неопределенность выборов власти, как некогда отметил немецкий теоретик коммуникации Н. Луман, есть «фундаментальная составляющая любой власти» [10, с. 18]. Именно та власть, которая обеспечивает максимальную неопределенность и непредсказуемость, по сути дела, есть та власть, которую больше всего боятся.

Великолепный центр

У каждого политического пространства есть свой центр – своя фактическая и символическая столица. Столица всегда в определенной степени отличается от остальных частей государства. В отношении практически любого центра власти можно заме-

тить, что именно к нему проявляется максимум внимания со стороны правящего класса.

В каждой столице можно увидеть максимум того, что может на определённый момент времени достигнуть архитектурная мысль. Вовсе неслучайно по этому поводу немецкий политический философ Герман Люббе отметил, что архитектура является ярким воплощением могущества власти, добавляя при этом, что особенно актуально это наблюдение в тоталитарных политических режимах, канонизирующих архитектурный классицизм. До сих пор сталинские высотки в Москве и некоторые станции московского метрополитена хранят в себе память «канонизированного архитектурного классицизма» [11, с. 17]. Власть, особенно в столицах, как правило, делает много для того, чтобы не только она сама, но и массы сами возвеличивали себя, высоко самоидентифицируя в истории. Прекрасные рассуждения на этот счёт можно увидеть у австрийского политического философа Элиаса Канетти, показывавшего, как архитектурный гигантизм увлекает власть [8]. Именно это политическое творчество, манифестированное в архитектуре, впоследствии «покупает» общество.

Тем не менее архитектура центра обладает притягивающим, магнетическим эффектом – так власть добивается собственной легитимации.

На Метрополь колхозники глядят.

Юрий Визбор
«Охотный ряд» (1960)

Массы собирают на стадионах, в огромных дворцах культуры, площадях. Это возможно только в центре. В крупных городах становится популярным досуг в кинотеатрах. Вообще, как считают некоторые исследователи, кино выступает «удобным видом искусства для создания системы контроля со стороны властей и выборочного пространства среди населения» [3, с. 170]. Наряду с центростремительными эффектами, могут возникать и обратные, центробежные процессы¹.

Глядя на пространственное развитие современной Москвы, поневоле понимаешь, что подобное движение вширь – строительство транспортных развязок и логистических хабов, открытие новых станций метро и микрорайонов, может притягивать трудовую силу из нищающей провинции, где качество исполнения оказывается на низком уровне. Именно так, кстати, могли восприниматься советские стройки, привлекавшие рабочую силу с периферии советского государства.

Неслучайно возможности Москвы расширяться пока ещё не исчерпаны.

Вспомним признание О. Мандельштама от 1935 года:

На Красной площади всего круглей земля.

Но даже и в такой центростремительной системе координат центр может быть относительным и всячески ускользать от субъекта. Вспомним, как Веничка Ерофеев сетует на то, что «так и не увидел Кремля» за время своего пребывания в Москве [7, с. 5]. Вместе с тем финальная развязка культовой поэмы возвращает нас именно в центр, к кремлёвским стенам.

¹ Уставших от зашкаливающей эстетики горожан могут привлекать простота и лаконизм, чистота формы, простая еда. Видимо неслучайно, в некоторых субъектах РФ сегодня делается ставка на отдых для богатых жителей столицы. Популярной формой отдыха становится пребывание в глэмпингах.

В центре всегда пульсирует жизнь, в том числе и политическая. Работают многочисленные инстанции и учреждения власти, посольства и консульства, аэропорты и вокзалы, банки и офисы крупных медиа. Там находятся резиденции власти, парламенты, именно там создаётся политическая повестка и принимаются законы. Вокруг центра выстраивается логистика. Видимо, практически применительно к каждой политике можно отметить актуальность выражения, что «все дороги ведут в Рим», имея ввиду под «Римом» столицу того или иного государства. В центре бьёт ключом культурная жизнь. Своеобразным доказательством существующих диспропорций между центром и регионами могут быть затруднения с расходом средств студентами по «Пушкинским картам». Чтобы израсходовать средства, нужно обязательно выезжать в какой-либо крупный город, потому как в провинции культурная жизнь может начинаться и заканчиваться в одном единственном кинотеатре.

Великолепие власти и её многочисленных институтов проецируется на пространство, в котором она присутствует. Именно поэтому, как правило, в столицах и крупных городах, выступающих центрами территорий и субъектов, мы можем увидеть более усердную работу коммунальных служб. В центре не только убирается снег, но даже и вывозится, что является неслыханной роскошью для провинции. Рост количества дворников на улицах российских городов свидетельствует о приближении к центру, к самой важной точке, из которой исходит власть. «Он любил чистоту, она была эмблемой его нрава», - именно так характеризует Аракчеева Юрий Тынянов в «Подпоручике Кижее» [17, с. 358].

Центр всегда чище периферии. Качество дорожного покрытия будет выше в центре, потому как именно там чаще проезжают кортежи власти. Именно в центре всегда можно увидеть образцовое благоустройство, ведь по состоянию дел в центре судят по положению самого государства.

Что-то подобное можно сказать и о состоянии дел с освещённостью центра. Свет стал важным ресурсом власти ещё со времён Прометея. Именно поэтому освещённость, энергия света распределена по политическому пространству так же неравномерно, как и сама власть. Власть обладает огромными ресурсами и поэтому имеет возможность освещать саму себя. Власть обладает устойчивыми ассоциациями с зажжёнными свечами и канделябрами, иллюминацией, фейерверками, недоступными обыкновенному большинству населения.

В «Мёртвых душах» Н. Гоголя описывается показательное прибытие Чичикова в дом губернатора. Автор отмечает, что «губернаторский дом был так освещён... блеск от свечей, ламп и дамских платьев был страшный» [6, с. 14]. Сложно представить, какая политическая энергия была задействована на создание этого великолепия и сколько человек могли быть задействованы для этого. Сегодня электроэнергия становится настолько дорога, что качество подсветки тех или иных зданий свидетельствует о политической мощи своих владельцев.

Если применительно к центру, сложно найти проблемы с освещением, то наоборот, в провинции качество освещения вызывает массу нареканий. Экономия на уличных фонарях, призрачный свет энергосберегающих ламп создают ощущение экзистенциальности провинции, её обречённости на темноту и на подчинённое положение относительно центра. Социальные ресурсы провинции сегодня вряд ли могут оправдать установку в ней рекламных билбордов, своим ночным свечением заменяющим уличную подсветку.

Свет ещё с античных времён становится важнейшим ресурсом власти. Боги не могли простить Прометею жеста дарения огня, уравнивающего социальные траты в ресурсах. Свет даёт огонь, и он же – даёт тепло. Тепло, как и свет, является ресурсом вла-

сти. Именно к администрации апеллируют в тот момент, когда становятся холодными батареи, именно администрация даёт старт отопительному сезону и отменяет его, именно администрация разрабатывает тарифы на тепло. В современной России, кажется, что тарифы на тепло являются самыми шокирующими для населения. Платёжки за тепло всегда со страхом ожидаются, и всякий раз стоимость тепла остаётся до конца не понятной, всякий раз меняясь. Покупка дров и угля на холодный период года в отдалённых районах России всегда составляла и будет составлять внушительную часть семейных бюджетов.

Явление любой власти, её опубликование сопровождается подсветкой. Обоже- ствлённая власть всегда связывается с дополнительной энергией света. Власть прямо связывается с санкцией на освещение, обеспечивая контроль над важнейшим источником жизни человека. Именно власть может дать установку не зажигать в домах свет, пока существует опасность, что город будет подвергаться обстрелу. Именно в её руках находится «рубильник», с помощью которого можно в один прекрасный момент оставить людей без электрической энергии и, стало быть, без освещения. Отсюда, власть может чересчур ревностно относиться к альтернативным источникам энергии, понимая, что их поддержание и использование в интересах общества разрушает монополию на насилие.

Сверкающие витрины выглядят слишком контрастно по сравнению с образом жизни тех, кто вынужден довольствоваться исключительно созерцанием роскоши без возможности доступа к ней. Подобная проблема отмечалась в русской культуре, в частности, у Ф. Достоевского в рассказе «Мальчик у Христа на ёлке». Русская культура является частью мировой культуры, а потому и воспроизводит общие тенденции, характерные для политий, находящихся на одной ступени общественного развития. Таким образом, возникает ситуация, когда человек, ослеплённый роскошью и проводящий большую часть времени в её созерцании, не способный приобрести её, становится склонным к ресентименту, о чём когда-то писал немецкий политический философ Макс Шелер [17, с. 34-35]. Именно такая рефлексия становится ответом на глубинные размежевания, накопленные культурой.

Верит ли в русской культуре бунтующий человек Невскому проспекту? Осознаёт ли его трагизм и конечность наслаждения? Видимо, нет. Тем не менее у человека сопротивления в русской культуре, наверняка, есть собственное объяснение подобного контраста с собственной участью и собственным выбором.

Приближение идиллии в русской культуре зачастую предполагается через наступление темноты. Наступление новой реальности требует преодоления кризисов и тёмных, ночных сторон жизни. Вспомним Василия Розанова и его «долгие ноченьки», связывающиеся с русской жизнью. Равно, как и в других культурах, в русской культуре ночь может поэтизироваться. В ночи реализуются самые невероятные и смелые замыслы. Ночь – время грёзы. Русская культура раскрывается через причудливое сопряжение светлого и тёмного. Социальный и политический контроль ночью значительно снижаются в своих возможностях, уравнивая шансы акторов, решившихся нарушить существующие традиции и предписания. Вспомним эпизоды с похищением возлюбленной в «Тупейном художнике» Николая Лескова. Так Долохов пытается выкрасть Наташу Ростову. Венчание ночью, тайно, вопреки общественному мнению, безусловно, требует поддержки темноты. Так планируют осуществить свои прекрасные замыслы влюблённые в пушкинскую «Метели».

Диалектика светлого и тёмного приобретает дополнительную пронзительность, глядя на то, как она располагается в контексте политического. Власть и общество, как правило, всегда находятся по разные стороны, застывая в специфической диспозиции.

Власть не экономит на самой себе, но в то же время экономит на *других*. Примеров соотношения *светлого* и *тёмного* в пространстве власти довольно много.

Центр выглядит всегда более шумным и звучным, нежели провинция. Высокая сосредоточенность институтов власти, большая чиновничья масса, равно, как и большая объектная масса, на которую направлена власть, предполагает выработку значительных объёмов политического письма, которое предварительно анонсируется, проговаривается. Нужно понимать, что власть представляет собой постоянное говорение, монотонную, назидательную речь, объём которой значительно вырастает по мере достижения центра.

Власть всегда опрятнее, нежели её оппоненты, потому как поддержание чистоты и гигиена выступают специфическим инструментом, функционирование которого необходимо своевременно оплачивать. Именно отсюда берёт своё отсчёт многочисленный аппарат власти, функционал которого как раз связывается с обеспечением чистоты и санитарии.

Как уже отмечалось, большинство усилий коммунальной машины направлено на уборку центра. Именно там разбиты клумбы, стригутся кустарники и поддерживаются в чистоте газоны. Неслучайно, центр, зачастую, выступает средоточьем каких-то абсурдистских практик, направленных на вызывание лояльности со стороны вышестоящей власти. Именно поэтому, в России на декорациях, прикрывающих убогие и обветшавшие фасады, имитируются здания, окна и даже цветочные горшки с радостными лицами, которые сложно проверить на достоверность из окон проносящихся кортежей власти. Так, накануне приезда В. Путина жители Омска «с юмором комментировали фотографии покрашенной травы у хоккейной академии «Авангард». Некоторые вспоминали, как занимались тем же самым в армии перед приездом высокого начальства» [12].

Великолепие центра, его опрятность и высокий стиль служат как будто дополнительными аргументами качества жизни, многообещающих возможностей. Неслучайно именно центр выступает точкой трудовой миграции. Динамика в центре значительно более интенсивная, нежели в провинции. Движение людей, капиталов в центре является более объективным. В центре чаще происходят политические события, визуализирующиеся прежде, чем они даже становятся предметом обсуждения в глобальной сети. Как ещё в своё время отмечал американский социолог Харви Молотч, город выступает своеобразной машиной роста, специфическим тренажёром, позволяющим реализовать свои жизненные и карьерные стратегии не только отдельным гражданам, но и представителям политической элиты [20, с. 309-322]. Сегодня, глядя на то, как быстро осваиваются городские пространства и как моментально захватываются зелёные зоны в крупных городах девелоперами, как бурно растёт транспортная инфраструктура, мысль Х. Молотча получает убедительные доказательства.

В центре более заметно социальное расслоение, зафиксированное в диспозиции «верха» и «низа». Нужно понимать, что вертикальный мир изначально достаточно историчен, о чём когда-то говорил Михаил Бахтин [2, с. 307]. Российские кейсы не выглядят исключением. Убедительной метафорой подобного расслоения может быть жизнь социума, пользующегося подземкой. В тот самый момент открываются все «преlestи» COVID-ограничений и досмотра на входе. Жители центра, позволяющие себе передвигаться на автомобилях, по крайней мере, могут быть избавлены от подобных унижительных процедур. Чем выше позиция человека в иерархической вертикали, тем меньше ему приходится тратить времени на контакты с технической бюрократией. Принимая во внимание петровский «табель о рангах» или советские номенклатурные формальные и неформальные изводы, данная мысль, кажется регулярно перепроверяе-

мой историческими примерами. Великолепие жизни в центре оказывает давление и на имидж представителей власти, старающихся следовать высокому стилю и вкладываться в собственные бьюти-практики. Вместе с тем подобное увлечение собой, вписывающееся в практики «заботы о себе», концептуализированные Мишелем Фуко в «Истории сексуальности», определённо попадают в поле иронической рефлексии [18]. Власть должна постоянно маркировать себя особым дресс-кодом, следуя за стилем вышестоящего начальства. Но не все, участвующие в этом невольном флэшмобе, могут верно угадать с соответствием гардеробного заимствования собственному стилю.

В этом увлечении можно увидеть следование принципу регулярного государства, правящий класс которого излишне ориентирован на ритуальную сторону политики, устанавливающую «зависимость общественного положения человека от его места в служебной иерархии», о чём когда-то писал Юрий Лотман [9, с. 32].

В пространстве власти центру уделяется максимум внимание, потому как является витриной благосостояния и качества жизни. Отсюда, стоимость жизни в центре неизменно увеличивается, создавая иллюзорное ощущение всеобщего довольства. Качество жизни в центре может быть достаточно высоким, правда вместе с тем это вовсе не означает, что такой уровень может позволить себе большинство жителей.

Российская провинция: депрессия или ностальгия?

Безусловно, пространство власти – это не пространство одного центра, одной столицы. «Петербург не есть Россия» [4, с. 388]. Государство – пространство не только исключительно одного города, центра. Государство не может быть целиком полностью состоящим из блистательного и образцового центра. Безусловно, ради блеска и процветания центра как части единого целого требуется достаточно экономное и скромное существование и провинции – забытой, укромной периферии.

И если центр в рамках отдельного государства, как отмечалось выше, может блистать великолепием и довольством, то в провинции, наоборот, может производиться обратное настроение. Более медленная и скучная жизнь будет придавать провинции идиллический характер. Именно этим российская провинция оказывается притягательной для многочисленных гостей из мегаполисов, которые в течение какого-то времени могут наслаждаться окружающим *небытием* – тишиной, замиранием жизни, медленными жителями и приятным ценообразованием. Идиллическое небытие зачастую за ширмой имеет совершенно трагическую изнанку – отсутствие элементарных благ, обрешающиеся дома, общий трагизм ситуации.

Качество жизни в российской провинции сегодня значительно уступает качеству жизни в центре. Отсутствие высоких зарплат и доступа к качественной инфраструктуре в современной российской провинции не являются каким-то откровением. Долгая реакция администрации на те или иные проблемы вынуждает население пробовать управлять самим, то есть заниматься самоуправством. Информационный дискурс современной России периодически захватывается сюжетами с поля – своеобразными сводками борьбы за существование, схватками за право жить. В информационных сводках периодически можно увидеть новости о том, как люди самостоятельно сделали ремонт, отсыпали дорогу, построили мост и т.д. Власть, отчасти, может уступить инициативу обыкновенному человеку, дорабатывающему за саму власть. Так, в современной России довольно популярны формы всяческих жилищных сообществ, ТОСов и т.д., в рамках которых люди самоорганизуются для решения текущих проблем. В ситуации дефицита не только экономического, но и социального, местная власть по определению не может дистанцироваться от накапливающихся локальных вызовов.

В российской провинции человек оказывается один на один с природой, случаем – драматизм исторического процесса оказывается каким-то невнятным шумом. Вспомним, какими маленькими на фоне самого города показались люди горьковскому Климу Самгину – рефлекторному интеллектуалу из провинции, приехавшему в Петербург. Вообще, «маленький человек», концептуализированный в русской культуре, ещё в XIX веке, в провинции кажется ещё меньшим по своим параметрам. Маленький человек оказывается как будто оставленным в большом, широком пространстве, и, как отмечает П. Вайль, отсюда обеспечивается «несовпадение масштабов человека и событий» [4, с. 306].

Экзистенциальное состояние человека в российской провинции, его заброшенность властью существенно снижают легитимность государства и его метафорические руки – чиновничью массу. Человеку кажется, что его выживание зависит только от него самого, а помощи от власти следует ожидать лишь в самых критических случаях. Безрезультатные и подчас даже оскорбительные практики взаимодействия с властью на местах вполне логично приводят к ситуации, которую Хайнц Абельс в одном из своих текстов назовёт «охлаждением», предполагающим примирение с несправедливостью [1, с. 204].

«Чем глуше деревня, тем люди натуристей, чище, а управление хуже: на глухие места людей не хватает», - отметил в «Дневниках» М. Пришвин [13, с. 237]. Вряд ли можно себе представить небогатого депутата в столичной городской думе, где сегодня практически невозможно увидеть сельского библиотекаря и пенсионера, социального работника или водителя. Депутаты в российской провинции достаточно небогаты. В законодательную власть муниципалитетов, не говоря уже о сельских поселениях, добирают едва ли не по остаточному принципу. Работа во власти не приносит дохода, но отнимает массу времени, потому как дискурс власти в России на всех её уровнях предельно зарегулирован.

Качество исполнительной власти и её легитимность могут быть оценены отчасти по одному из сюжетов с недавних местных выборов в Костромской области, где главой одного сельского поселения была избрана уборщица – технический кандидат действующего главы. Автору уже приходилось наблюдать схожие иронические повороты на местных выборах, показывающих реальное доверие действующей власти в провинции. Многочисленные примеры показывают, как судьба избирательной кампании на самых нижних уровнях власти может быть решена за счёт нескольких голосов. Вместе с тем чем выше уровень политики, тем сложнее представить себе подобную ситуацию. Региональная и федеральная власть в современной России в большей степени предохранена от вызовов делегитимации.

Власть на местах оказывается в ситуации, когда ей приходится постоянно бороться с дефицитом бюджета, что невольно проецируется и на её образ. В такой ситуации власть становится в большей степени просматриваемой «снизу» - расходы власти моментально становятся объектом пристального внимания. Новый автомобиль (порой максимально бюджетный и по-провинциальному скромный), купленный чиновником администрации, моментально рассматривается как производное его положения. В то же время автору приходится наблюдать, как главу одного из муниципальных образований в Липецкой области часто упрекают за то, что он носит один и тот же пиджак.

Частые экономические ограничения власти в муниципалитетах могут быть вызваны постоянной ориентацией на позицию вышестоящего начальства и многочисленные надзорные инстанции. При этом важным моментом является и чувство политической конъюнктуры. У действующих глав администраций муниципалитетов на местах есть свои любимчики, и это является общим правилом для всех субъектов РФ. Поэто-

му, любая смена власти в муниципалитетах может как способствовать, так и затруднять последующие легитимационные процедуры местной власти.

Дефицит власти в провинции сказывается и на свободе решения финансовых проблем. Финансовые потоки просматриваются, власть не может привлечь лишние средства для решения текущих вопросов, которые нужно заранее планировать. Поэтому на местах могут возникать ситуации, которые для обывателя, впервые сталкивающегося со странной экономией власти, вызывают определённое недоумение. Местная власть во многом зависит и от представителей бизнеса, периодически помогающих ей в решении текущих организационных и управленческих вопросов. Бизнес вкладывается в проведение различных мероприятий, устраивает фейерверки и финансирует полевые кухни, помогает спортсменам и талантливой молодёжи. Средства спонсоров, безусловно, не предоставляются местной власти просто так. Каждое вложение предполагает ответную лояльность власти, которая, впоследствии конвертируется в различные формы последующих даров и уступок. Зачастую «кошельки» местной власти в тех или иных муниципалитетах субъектов РФ могут идентифицироваться по наличию депутатского мандата либо инкорпорированности родственников во власть.

Дефицит власти в провинции означает дефицит самих институций, осуществляющих власть и способных оказаться рядом с человеком в тот момент, когда в них возникает необходимость. Зачастую, в современной российской провинции можно увидеть ситуации, когда функции власти максимально сопрягаются в той институции, которая на конкретный момент времени может функционировать более или менее исправно. В частности, таковой институцией может являться структура «Почта России». Глядя на ассортимент товаров, представленных внутри сельских отделений (вплоть до замороженного мяса и рыбы), становится понятно, что она становится своеобразным центром власти. Почта торгует мылом и порошком, наряду с выдачей наличных денег и почтовых отправок, оплаты коммунальных платежей и пополнения номера мобильного телефона. В ряде почтовых отделений сегодня в российской провинции открыты филиалы «Почта-Банк». Почта выступает хранилищем персональных данных и даже местом, где можно получить первичную медицинскую помощь. Тем самым в провинции бюрократия максимально сжимается, концентрируясь в одном месте. Упрощение управляемости как раз и приводит к подобным причудливым функциональным коллаборациям.

В провинции традиционно сложнее контролировать человека по сравнению с тем разнообразным набором механик, заставляющих его испытывать косвенное давление власти в мегаполисах. Отсюда, человек как будто бы становится склонным к правовому нигилизму. Интересно, самым популярным сюжетом, говорящим о склонности российских провинциалов к воспроизводству и легитимации анархических практик, является игнорирование правил дорожного движения, которое, в принципе, сложно допустить в мегаполисах. Частым сюжетом является управление транспортным средством без прав, потому как обеспечить контроль попросту некому. Зачастую в провинции можно увидеть причудливое творчество по установке авторских дорожных знаков. Подобные практики, безусловно, говорят как о медленной, равно, как и достаточно экономной повседневной провинциальной реальности. Провинциальный быт выглядит в какой-то степени идиллическим. В нём мало скорости, мало событий. Идиллический мир, следуя М. Бахтину, строго ограничен немногочисленными реальностями жизни, такими как «любовь, рождение, смерть, брак, труд, еда и питье, возраст» [2, с. 374].

В российской провинции сегодня достаточно подобных мест, где повседневная идиллическость максимально проявляет себя. Некоторые российские провинциальные городки, обладающие достаточно значительным культурным слоем, зачастую и пози-

ционируют себя для потенциальных туристов как места, где остановилось время. Таксофонные будки, старые автобусы и остановки, водяные колонки, откуда можно бесплатно взять воды, плодовые деревья, нависающие над серыми заборами, выступают молчаливыми доказательствами провинциальности, равно, как и дефицита бюрократии. Для того, чтобы справиться с провинциальностью, нужно много сил и средств.

Дефицит власти в провинции может компенсироваться природными дарами, стоимость которых в центре несоизмеримо высока. Сколько стоит в центре тишина, чистый воздух, спокойствие? Отчасти именно данные аргументы выступают одними из ключевых при выборе карьерных треков как представителями власти, так и обыкновенными людьми.

Вместо заключения

Таким образом, несмотря на производимое целостное впечатление, пространство власти выглядит достаточно разорванным, представляясь в разных качественных состояниях в зависимости от конкретного локуса. Разорванность пространства, её постоянная склонность к делимости оказывает соответствующее влияние и на саму власть, образы которой становятся зависимыми от фактического наполнения пространства политическими институтами и событиями. Приведённые примеры подтверждают это, равно, как и сам факт интеллектуальной рефлексии, отмечавший двойственность политического пространства в России.

Наверно, ни одно размежевание не обладает такими серьёзными визуальными эффектами между центром и провинцией. Именно оно предоставляет ту совершенно невыгодную картинку, которую маскируют ширмами успешности.

В центре власть по определению не может связываться с дефицитом ресурсов, поэтому её бытие в полной мере подчёркивается разнообразием и великолепием. В значительной степени этому способствуют имиджевые моменты, влияющие на легитимацию самой власти. Наоборот, в провинции власть может выглядеть куда более экономно и сдержанно. Этому есть своё объяснение, ведь местная власть не может распределять большие финансовые потоки. В современной России данная противоречивость в полной мере является актуальной и с каждым политическим циклом только усиливается. На наш взгляд, увеличение разрывов в пространстве политического может служить определённо тревожным сигналом для правящей элиты.

Литература

1. Абельс Х. Интеракция, идентичность, презентация. Введение в интерпретативную социологию. – СПб: Алетейя, 2000. – 272 с.
2. Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. – Москва: Художественная литература, 1975. - 504 с.
3. Биллингтон Д. Лики России. Страх, надежда и созидание в русской культуре. - Москва: Логос, 2001. – 248 с.
4. Вайль П. Свобода – точка отсчёта. О жизни, искусстве и о себе. – Москва: Астрель, 2012. - 701 с.
5. Гачев Г. Национальные образы мира: курс лекций. – Москва: Академия, 1998. – 432 с.
6. Гоголь Н.В. Мёртвые души. – Пермь: Пермское книжное издательство, 1979. – 368 с.
7. Ерофеев В. Москва – Петушки. – Москва: Вагриус, 2001. – 188 с.
8. Канетти Э. Масса и власть. – Москва: Ad Marginem, 1997. – 527 с.

-
9. Лотман Ю. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII – начала XIX века). – СПб.: Азбука, 2017. – 608 с.
 10. Луман Н. Власть. – Москва: Праксис, 2001. – 256 с.
 11. Люббе Г. В ногу со временем. Сокращённое пребывание в настоящем. – Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016. – 456 с.
 12. Перед приездом Путина в Омске красят траву [Электронный ресурс]. Доступ к электронному ресурсу: <https://www.omskinform.ru/news/135299> (дата обращения: 26.04.2021).
 13. Пришвин М.М. Дневники. 1923-1925. – СПб.: Росток, 2009. – 559 с.
 14. Рышка Ф. Границы политической власти // Элементы теории политики. Пер. с польского. – Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1991. – С. 94-116. – 448 с.
 15. Сквоиков А.К., Преждарова В.Г., Шумилов А.В. Государственный суверенитет в условиях глобализации, сетевизации и цифровизации // Politbook. – 2023. – № 1. – С. 58-69.
 16. Тынянов Ю. Кюхля. Рассказы. – Москва: Правда, 1981. – 560 с.
 17. Шелер М. Ресентимент в структуре моралей. – СПб.: Наука, Университетская книга, 1999. – 231 с.
 18. Фуко М. Забота о себе: история сексуальности. – Киев-Москва: Дух и літера, Рефл-Бук, 1998. – 282 с.
 19. Lipset S.-M., Rokkan S. Cleavage Structures, Party Systems, and Voter Alignments: an Introduction // Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspective, Lipset S.-M., Rokkan S. – New York, London: Free Press, 1967. - Pp. 1-61.
 20. Molotch H.R. The City as a Growth Machine: Toward a Political Economy of Place. // American Journal of Sociology. 1976. - Vol. 82. - No 2. - Pp. 309-332.

References

1. Abel's H. 2000. Interakciya, identichnost', prezentaciya. Vvedenie v interpretativnyuyu sociologiyu. - SPb: Aletejya. - 272 s.
 2. Bahtin M. Voprosy literatury i estetiki. – Moscow: Hudozhestvennaya literatura, 1975. - 504 s.
 3. Billington D. Liki Rossii. Strah, nadezhda i sozidanie v russkoj kul'ture. – Moscow: Logos, 2001. - 248 s.
 4. Vajl' P. Svoboda – tochka otschyota. O zhizni, iskusstve i o sebe. – Moscow: Astrel', 2012. - 1 701 s.
 5. Gachev G. Nacional'nye obrazy mira. Kurs lekcij. – Moscow: Akademiya, 1998. – 432 s.
 6. Gogol' N.V. Myortvye dushi. – Perm': Permskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1979. – 368 s.
 7. Erofeev V. Moskva – Petushki. – Moscow: Vagrius, 2001. – 188 s.
 8. Kanetti E. Massa i vlast'. – Moscow: Ad Marginem, 1997. – 527 с.
 9. Lotman YU. Besedy o russkoj kul'ture: byt i tradicii russkogo dvoryanstva (XVIII-nachala XIX veka). – SPb.: Azbuka, 2017. – 608 s.
 10. Luman N. Vlast'. – Moscow: Praksis, 2001. – 256 s.
 11. Lyubbe G. V nogu so vremenem. Sokrashchyonnoe prebyvanie v nastoyashchem. - M.: Izdatel'skij dom Vysšej shkoly ekonomiki, 2016. – 456 s.
 12. Pered priездом Putina v Omske krasyat travu [Elektronik resource]. Access to the electronic resource: <https://www.omskinform.ru/news/135299> (data obrashcheniya: 26.04.2021).
-

-
13. Prishvin M.M. Dnevniky. 1923-1925. – SPb.: Rostok, 2009. – 559 s.
 14. Ryshka F. Granicy politicheskoy vlasti // Elementy teorii politiki. Per. s pol'skogo. - Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta, 1991. – S. 94-116. – 448 s.
 15. Skovikov A.K., Prezhdarova V.G., SHumilov A.V. Gosudarstvennyj suverenitet v usloviyah globalizacii, setevizacii i cifrovizacii // Politbook. – 2023. – № 1. – S. 58-69.
 16. Tynyanov YU. Kyuhlya. Rasskazy. – Moscow: Pravda, 1981. – 560 s.
 17. SHeler M. Resentiment v strukture moralej. - SPb.: Nauka, Universitetskaya kniga, 1999. - 231 s.
 18. Fuko M. Zabota o sebe: istoriya seksual'nosti. – Kiev – Moskva: Duh i litera, Refl-Buk, 1998. – 282 s.
 19. Lipset S.-M., Rokkan S. Cleavage Structures, Party Systems, and Voter Alignments: an Introduction // Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspective, Lipset S.-M., Rokkan S. - New York, London: Free Press, 1967. – Pp. 1-61.
 20. Molotch H.R. The City as a Growth Machine: Toward a Political Economy of Place. // American Journal of Sociology. 1976. – Vol. 82. – № 2. – Pp. 309-332.